

Интересы и развитие науки

Н. Н. Жалдак

кандидат философских наук

доцент кафедры философии НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)

По Т. Куну, парадигма включает признанные научным сообществом научные достижения и соответствующую им модель постановки проблем и их решений¹. Приращение научного знания в рамках парадигмы названо "нормальной наукой". Соответствие парадигме официальное подтверждение «научности» исследований текстов. Сторонники парадигмы жестко препятствуют смене парадигм, т.е. научной революции. Новых революционных направлений развития может быть несколько. Выбор из них принципов для следующей парадигмы ученые делают не столько от логики или эмпирических фактов, сколько через иррациональный акт веры.

По И. Лакатосу, научная революция – это смена научно-исследовательских программ путем рационального выбора лучшей из конкурирующих.

Имея образцы абсурда в том, что названо «нормальной наукой», а также локальных «контрреволюций» и соответственно регресса в науке, невозможно признать такой выбор, который рационален, иначе говоря эффективен, для науки как таковой, в качестве необходимого средства существенных качественных изменений в науке.

Но и по Т. Куну наука представляется несколько преувеличенно надличностной. Существует парадигма, принятая сообществом, перед которой отдельные деятели науки бессильны. Это не они выбирают, что и как исследовать и в каком виде преподносить научному сообществу, а парадигма. Поэтому и ответственность за их выбор должна нести парадигма, а не они сами. Но вот соискатель заглядывает в рот тем от кого зависит его защита и будущее благополучие, с теми, чтобы не написать и не сказать то, что противоречит сказанному или написанному этими людьми. Вот студент, для которого главный критерий истины – оценка тех преподавателей, которые будут принимать у него экзамены. Вот ученый, который будучи зависим от глупого чиновника, вынужден с ним соглашаться. В угождение господствующей идеологии и в своих интересах конкретные достаточно влиятельные деятели объявляли и добивались официального признания наук лженауками, а лженаук – науками.

Непосредственный двигатель прогрессивных и регрессивных изменений в науке – интересы людей, как ученых, так и неученых. Для объяснения научной деятельности, как и любой другой, требуется выяснять интересы деятелей науки и тех, кто воздействует на них, взаимодействует с ними. Науку делают люди, руководствуясь своими личными интересами, а не собственно интересами эффективного поиска научных истин. Поскольку в некоторой мере личные интересы достаточно влиятельных ученых совпадают с такими интересами науки, постольку наука прогрессирует. Признание упорного противодействия сторонников парадигмы ее смене, т.е. открытию и признанию новых научных истин, само по себе означает признание несовпадения интересов массы ученых, как бы они эти свои интересы ни осознавали, с интересами эффективного прогресса науки. Реально же, как правило, защищаются не парадигмы действующие в масштабах мира или даже страны, а интересы относительно небольших групп конкретных взаимосвязанных людей. Формы же этой защиты многообразны, изоцирчны и направлены на ограничение интересов реальных и возможных противников. Истины признаются лишь постольку, поскольку их признание не противодействует и соответствует действительным интересам тех, от кого это признание зависит.

Интерес субъекта состоит в том, чтобы в данных объективных условиях по собственным пониманию и оценке каждый нужный результат получить минимальными

¹ См.: Кун Т. Структура научных революций – М.: Прогресс, 1975. С. 11.

достаточными затратами, а производимыми затратами получать максимальные нужные результаты.

Таковы интересы, проявляющиеся в деятельности всех людей, которым так или иначе служит наука.

Рыночная экономика такова, что, во-первых, в ней каждый из партнеров в товарном обмене заинтересован в том чтобы другой партнер отдал ему большую долю результатов того прироста социальных сил, который получается в результате их отношений, т.е. был глупее, доверчивее. Во-вторых, производитель заинтересован зарабатывать на любых потребностях потребителя, в том числе на вредных; заинтересован вместе с товаром продавать какие угодно потребности, связанные с последующим использованием покупки. В-третьих, если в глобальной экономике той или иной стране уделяется роль главным образом ресурсодобывающей, а не производящей, то развитая наука в этой стране не нужна.

Все три фактора сказываются на системе образования и на деятельности научных организаций во всем мире и самым тяжелым образом в странах сырьевых приатках.

Те, кто управляет мировой экономикой, организуют и управление наукой.

Их интересы стоят за требованиями к российским ученым, добиваться иностранных грантов, печатать труды на английском языке и печататься в иностранных журналах, и в журналах, входящих в иностранные базы данных, отслеживающие цитируемость, за системой оценки труда ученого по индексам цитирования и др. Научные силы оставаясь на территории России отвлекаются от развития русскоязычной науки на развитие англоязычной и соответственно от развития отечественной культуры на развитие англоязычной. Деньги, которые могли бы пойти собственно на научные исследования значительной частью идут на оплату учета цитируемости и на поощрение именно цитируемости. Самый ценный труд, но опережающий свое время и в это время не востребованный и не цитируемый, при такой системе имеет нулевую ценность. Нормы цитирования чужих источников в собственной работе закрепляют «нормальную науку» и предохраняют науку от революционных прорывов. Тому же служит и система распределения грантов. Вузовский ученый перегружается отчетностью, ему просто не оставляют времени на реально трудоемкие основательные исследования и соответственно ограничивают его научные интересы.

Организация системы которая заинтересовывала бы каждого ученого в эффективной научной работе, а не в чем-то не тождественном ей, в качественных изменениях, представляющих прогрессивное развитие науки – острая нерешенная проблема нашей современной жизни.